

УДК 94+325.254.6

А. Э. Урукова,факультет истории, философии и права,
Омский государственный педагогический университет
Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. А. В. Грачев

К вопросу о политической субъектности депортированных российских немцев в послевоенное время

Аннотация. В статье выявлена специфика положения депортированных российских немцев, оказавшихся на спецпоселении, посредством определения форм и степени выраженности их политической субъектности, а также с учетом уровня их социальной адаптации на местах и особенностей сохранения этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: российские немцы, политическая субъектность, депортация, спецпереселенцы, этническая идентичность, национальная дискриминация.

История российских немцев и в наши дни вызывает высокий исследовательский интерес отечественных и зарубежных ученых, который обусловлен, в частности, рядом социальных и этнокультурных феноменов, вытекающих из процесса принудительных переселений, которые происходили в рамках депортации 1930–1950-х гг. Именно с этим периодом связывают основные этнические проблемы российских немцев, которые находят отражение и в наши дни. Как мы понимаем, Российская Федерация исторически сложилась как многонациональное государство. Так, для всестороннего и благоприятного развития всех народов, которые проживают на ее территории, необходимо не только учитывать специфику их культуры, традиций и мировоззрения, но и принимать во внимание особенности национальной политики государства, которая осуществлялась по отношению к ним в предшествующие периоды.

В данной связи особый интерес представляет рассмотрение специфики политической субъектности российских немцев в период массовых переселений советских немцев в Сибирь. Несомненно, спецпоселения стали системой, которая оказала значительное влияние на жизнь и даже культурную идентичность народа, подвергшегося депортации. В данном случае особенности их поведения в рамках правового поля, а также общественно-политическая активность представляют уникальное социокультурное явление.

Нужно сказать, что за весь период существования спецпоселений у российских немцев полностью отсутствовала возможность сохранять

свою национальную идентичность, которая, тем не менее, является первоочередным признаком для определения данной общности. Интересен тот факт, что в условиях, полностью ограничивающих свободу проявления своей культуры даже на уровне языка, поведенческие практики российских немцев в период существования спецпоселений всё же демонстрируют определенные формы самоорганизации, которые, по сути, становятся защитной реакцией на агрессивные политические, идеологические и культурные воздействия внешней среды. Так, данные формы самоорганизации отражают определенные культурные традиции депортированного народа, о чём свидетельствует, например, возрождение религиозных общин, создание музыкальных коллективов, которые исполняли национальные песни, а также проведение свадебных и других обрядов, позволяющих ощутить национальную принадлежность и единство [3, с. 160].

С данной точки зрения, к началу 1950-х гг. социокультурная адаптация российских немцев находилась на достаточно высоком уровне. Тем не менее перечисленные внешние формы приспособления еще не означали ее полного внутреннего принятия. Характеризуя политическую субъектность российских немцев в период их депортации в Сибирь, представляется крайне важным подчеркнуть, что близкий к минимальному уровень ее проявления был определен именно внешним фактором, который ограничивал их активное участие в политической жизни страны.

Так, в условиях спецпоселений российские немцы были подвергнуты не только национальной дискриминации, они также столкнулись с ограничением

и даже лишением многих общегражданских прав. Известно, например, что спецпоселенцы были показательно отделены от других граждан уже на уровне отсутствия паспортов, что не только осложняло процесс устройства на работу, но и ограничивало возможность получения почтовых отправок [4, с. 471]. Более того, рассматриваемая нами группа депортированного населения не допускалась к работе в силовых структурах, что было связано также с ограничениями в призыве на военную службу, и не могла занимать управленческие должности или посты в государственных органах и учреждениях. Наконец, даже право на получение образования оказывается не гарантированным, а подвергнутым сложностям в реализации, нашедшими свое выражение в запрете покидать установленную территорию, за пределами которой и находились практически все вузы и техникумы [2, с. 44].

Тем не менее даже в таких условиях спецпереселенцы демонстрировали особенную экономическую эффективность своих производительных сил. Так, ими нередко выполнялись досрочно и даже перевыполнялись государственные планы хлебопоставок, а также сдачи мясных и молочных продуктов, несмотря на тяжелые условия труда, в которых они находились, и низкий уровень развития самих регионов Сибири. Более того, в 1946–1947 гг. была зафиксирована высокая активность спецпереселенцев в голосовании на выборах в Верховные Советы СССР и РСФСР, местные советы депутатов трудящихся. Всё это, несомненно, свидетельствует о достаточно высоком потенциале политической субъектности российских немцев, который не был полностью раскрыт в результате влияния объективных обстоятельств [4, с. 474].

Для самих депортированных было характерно ощущение полной безысходности. При этом рассматриваемые нами российские немцы не демонстрировали склонность к выступлениям против власти и созданию в обществе напряженной обстановки. Напротив, в своем большинстве они смирились со своим положением и не предпринимали попытки добиться освобождения из режима спецпоселений. Подчеркнем, что часть спецпоселенцев продолжала верить в И. В. Сталина, отправ-

ляя ему письма с просьбами вернуться в места, из которых они были насильно выселены. Повторяющимся был посыл обращений, отчаянно указывающий на то, что неправильно определять ответственность отдельных лиц, сотрудничавших с Вермахтом, целым народам [1, с. 136].

Российские немцы становятся первыми из депортированных народов, кого снимают с режима спецпоселений, что было обусловлено рядом как внутренних, так и внешнеполитических причин. Тем не менее после освобождения рассматриваемой нами категории советских граждан партийное руководство СССР сохраняет некоторые дискриминационные меры, которые не позволяли российским немцам вернуться на места их проживания до депортации, а также получить конфискованное имущество. Более того, принятые указы не устанавливали гарантии реализации прав российских немцев как национального меньшинства, например, на сохранение своего языка, традиций и культуры. Подчеркнем, что здесь уже не идет речь о возвращении им прежней автономии. Тем не менее сам факт ликвидации немецкого спецпоселения уже нужно рассматривать с позиции начала восстановления российских немцев в правах и улучшении условий их жизни. Указанный процесс так или иначе оказывается исходной точкой государственной реабилитации рассматриваемой нами категории населения, которая в действительности отличалась медленными темпами, непоследовательностью и рядом противоречий в проводимой политике.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что абсолютное большинство депортированных считали свое выселение незаконным и ошибочным. При этом российские немцы, находясь в тяжелых условиях спецпоселений, не только демонстрировали впечатляющие экономические показатели, но и реализовывали, насколько это возможно, свои политические права. Спецпереселенцы наделись на восстановление своей автономии в Поволжье и возвращение в родные места, не выступая против власти и проявляя определенную политическую наивность в своих ожиданиях, которые не нашли реализации в государственной политике послевоенного периода.

1. Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. — Топчиха, 1995. — 192 с.

2. Герман А. А. Немцы СССР на спецпоселении // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. : История. Международные отношения. — 2014. — Т. 14, вып. 2. — С. 39–47.

3. Зберовская Е. Л. Этнокультурные особенности адаптации выселенцев в Сибири (1940–1950 гг.) // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. — 2010. — № 12. — С. 155–162.

4. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собр. документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. — М. : РОССПЭН, 2004. — 824 с.